

Е.В. Королёва

Этническая самоидентификация Оймонских старожилов по материалам автобиографических воспоминаний У.М. Аргоковой и С.И. Солонкиной.

Описанию быта и легендарной истории Уймонской (Оймонской) старожильской группы – старообрядцев, проживающих на территории современного Усть-Коксинского района Республики Алтай, посвящено крайне мало научных публикаций и очень много публицистических эссе, использующих, зачастую, одни и те же источники информации¹. Поэтому в определенной степени художественная версия истории данной группы оказывает влияние и на профессиональных исследователей. В первую очередь, это сказывается в отождествлении уймонских и бухтарминских старообрядцев как представителей одной этнографической группы, что прямо опровергает многочисленные устные сообщения респондентов, генеалогические исследования местного краеведа Истоминой Н.М.² и музейные коллекции³. Во-вторых, традиционно в истории данной группы переоценивается роль религиозного мотива миграции. В то время как генеалогические данные дают более пеструю картину. Примечательно, что аналогичную ситуацию наблюдал китайский исследователь Лю Куйли у русских правобережья р. Аргунь (притока р. Черный Иртыш) в бывшей провинции Западный Синьцзян⁴. В третьих, остается недооцененным неоспоримый факт формирования группы на приграничной с Китаем территории (и оживленном русско-китайском торговом пути)⁵, а так же процесс непрерывной метисации и культурного взаимовлияния с коренным тюркоязычным населением.

В публикациях горно-алтайских исследователей «уймонские старoverы» рассматриваются как достаточно однородная, сформированная по религиозному признаку группа, близко родственная или тождественная с хорошо изученной группой бухтарминских старообрядцев, что нашло отражение и в используемых наименованиях данного сообщества. Статьи Л.Н. Мукаевой основаны на архивных данных и посвящены различным вопросам истории русскоязычного населения Усть-

Королёва Елена Владимировна, н.с., ГУК РА «Национальный музей Республики Алтай». Эл. почта: e.v.koroleva@inbox.ru

¹ Прежде всего, это: *Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П.* Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930; *Липинская В.А.* Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае: XVIII – начало XIX веков. М., 1996. Эти и ряд других изданий затрагивают данную группу лишь вскользь, основное внимание уделяя бухтарминским старообрядцам и староверам-полякам Алтайского края.

² *Истомина Н.М.* Нижний Уймон, Мульта: рассказывают архивные данные // Традиции природопользования народов Горного Алтая. Материалы конференции. Бийск, 2009. С. 147–149.

³ Традиционные оймонские женские костюмы отличаются от привозных бухтарминских более примитивной техникой шитья, отсутствием технологически изощренных элементов декора, таких как наборная вышивка, что при общем сходстве фасонов придает им вид как бы грубых копий последних.

⁴ Лю Куйли. «Китайские русские» на правобережье р. Аргунь // Живая старина, 2001, №2(30). С. 33–34.

⁵ Об этом подробнее: *Королева Е.В.* Торговля и пути сообщения России с государствами Центральной Азии в истории заселения русскими Юго-Восточного Алтая // Усть-Коксинские архивные чтения. Вып. 1. Барнаул, 2007. С. 91–95.

Коксинского района в конце XIX – начале XX в. В частности ей принадлежат подробнейшие публикации по истории основания отдельных населенных пунктов, истории мараловодства¹ и ряда других аспектов хозяйственной и бытовой культуры. Монография и статьи Н.И. Шитовой посвящены преимущественно истории традиционного костюма и основаны на устных этнографических источниках², отражающих идеальную картину бытования традиционной культуры. Вопросы этнической самоидентификации так или иначе затрагиваются обеими исследовательницами, но не находятся в центре их внимания.

Процесс формирования локальной этноконфессиональной группы Оймонских старожилов представляет интерес по причине того, что он был основан не на изоляции староверческой группы и консервации ее культурного багажа в иноязычной и иноконфессиональной среде. Напротив речь идет о постепенном расширении критически малочисленной группы русскоязычных переселенцев за счет инкорпорации в ее состав алтайцев и вновь прибывающих мигрантов различной этнической и конфессиональной принадлежности. Механизм такой инкорпорации на примере группы «шуйцев» (переселенцев из Кузнецкого округа в район современного с. Усть-Кокса) прекрасно описан Л.И. Шерстовой на основании архивных данных³. Аналогичное явление на примере «поляков» Рудного Алтая рассматривали В.Н. Курилов и Т.С. Мамсик⁴. Используемое в данной статье наименование группы образовано от топонима «Оймон», который соответствует современному алтайскому и русскому кириллическому правописанию названия местности, расположенной в верхнем течении р. Катунь между Теректинским и Катунским хребтами. Здесь находятся села Гагарка, Верх-Уймон, Тихоньякая, Мульта – места компактного проживания старожилов.

На сегодняшний день группа Оймонских старожилов обладает всеми базовыми признаками субэтноса: это специфический хозяйственный уклад (основанный на скотоводстве и мараловодстве), присущий группе локальный диалект русского языка, общепринятая система религиозных и семейных обрядов, отличающая членов группы от других русскоязычных соседей, а так же наличие местного наименования группы – «оймоны», бытующего наряду с такими общесибирскими прозвищами, как «кержаки», «староверы», «стариковские», «чашечники» и т.п.

Изучение внутренних механизмов инкорпорации и ассимиляции новых членов группы не может быть осуществлено исключительно на архивных данных и требует привлечения источников устной истории, в частности записи и анализа автобиографических воспоминаний ныне здравствующих членов группы⁵. Соответственно, в феврале и в июне 2010 г. нами была произведена аудиозапись автобиографий Ульяны Михайловны Аргоковой, жительницы с. Верх-Уймон 1924 г.р. и Серафимы (Сары) Ивановны Солонкиной, жительницы с. Тихонькое 1929 г.р.

¹ Мукаева Л.Н. У истоков алтайского мараловодства.// Традиции природопользования народов Горного Алтая. Материалы конференции. Бийск, 2009. С. 120–126.

² Шитова Н.И. Традиционная одежда Уймонских старообрядцев. Горно-Алтайск, 2005.

³ Шерстова Л.И. Тюркский этнический компонент в этнографии уймонских старообрядцев. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. С. 11–13.

⁴ Курилов В.Н., Мамсик Т.С. «Поляки» Рудного Алтая: историографический миф или реальность.// Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 23–28.

⁵ Томпсон Пол. Голос прошлого. Устная история. М., 2003. С. 119–121.

Обе женщины обладают уникальной по степени детализации памятью о событиях личной истории, памятью на имена и лица, большим багажом устного фольклора. Используя записи воспоминаний Ульяны Аргоковой и Сары Солонкиной и дополнив их сообщениями других респондентов¹, можно наглядно проиллюстрировать специфику социально-демографических процессов, протекавших в группе оймонских старожилов на протяжении XX в.

Ульяна Аргокова родилась 3 января 1924 г. в с. Верх-Уймон в семье алтайца, выходца из Онгудайского района Михаила Александровича Аргокова и Екатерины Савельевны Бочкаревой, представительницы оймонской старожильской группы. Таким образом, Ульяна и ее сестры Васса и Анна имели сеок², и с точки зрения отца являлись алтайками. В то же время они были крещены старообрядцами, говорили преимущественно на русском языке, соблюдали местные бытовые традиции по настоянию матери и сами считали себя русскими, «кержачками». Большое влияние на воспитание дочерей Е.С. Бочкаревой оказывали ее родители Матвей и Марфа Бочкаревы, жители села Базулаево, а так же братья Прокопий и Ефстихий. Отношения родителей Ульяны Аргоковой не сложились. Екатерина Савельевна выгнала мужа из дома, когда Ульяне было пять лет. Тем не менее, дочери продолжали поддерживать отношения с родственниками отца. В числе родных, погибших на фронте, Ульяна Михайловна называет братьев отца Владимира и Александра. Жесткая позиция Екатерины Савельевны ничего не меняла: дяди продолжали общаться с племянницами, соблюдая традиционные для алтайцев нормы. Проявление норм оймонского старожильского сообщества прослеживается в том, что Екатерина Савельевна постоянно вмешиваясь, фактически препятствуя браку Ульяны с алтайцами и русскими «не нашей веры», беспрепятственно крестит ее дочь и свою внучку Любовь, рожденную вне брака. Первый брак Любы Аргоковой был заключен с представителем «оймонов», переселившимся в Туву. Второй, более удачный, с русским, но не «оймоном», дети от обоих браков, а так же их дети (правнуки Ульяны Аргоковой) крещены по «кержачкому обряду» в Верх-Уймоне и на Мульте и без сомнения принадлежат к старожильской группе³.

Сары (Серафима Ивановна) Солонкина, в 2009 г. рекомендованная в с. Верх-Уймон членам экспедиции Российского гуманитарного университета в качестве «настоящей староверки»⁴, родилась 17 мая 1929 г. в семье Инеса Акиякова (сеок соён) и Мамуш Сайланкиной (сеок майман) в урочище Байда близ с. Тюнгур, и яв-

¹ Материалы собраны на протяжении семи лет работы в качестве заведующей филиалом Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина в с. Верх-Уймон Усть-Коксинского района Республики Алтай.

² Сеок – экзогамный род у алтайцев, наличие которого является важным признаком алтайской этнической идентичности. Сеок наследуется строго по линии кровного отца, даже в случае усыновления. Усыновление в алтайскую семью в случае, когда отец точно не известен, может дать начало новому сеоку. На сегодняшний день на территории Горного Алтая насчитывается более 80 сеоков. Самыми многочисленными считаются сеоки майман, тодош, иркит, алмат, мундус, тёлёс, кыпчак.

³ Здесь и далее по тексту: Цифровая аудиозапись автобиографических воспоминаний Аргоковой Ульяны Михайловны, с. Верх-Уймон, февраль 2010 г. Архив автора.

⁴ Сообщение Натальи Литвиной, научного сотрудника Архива РАН и руководителя экспедиции РГГУ.

ляется коренной алтайкой по обоим родителям. После того, как были репрессированы отец Сары Инес (как «служитель культа», он имел статус «камду») и ее дед, отец матери Сайланка (по причине зажиточности), мать Сары Мамуш с детьми по настоянию своих братьев покинула Тюнгур и отправилась к родственникам на родину мужа в с. Верх-Уймон. Семья рассчитывала на помощь Татьяны Бочкаревой (до крещения – Мандаш), родной сестры Инеса, вышедшей замуж за старовера Анисима Бочкарева. И действительно, семье удалось получить работу и пристанище в Верх-Уймонском колхозе им. С.М. Кирова и пережить годы Великой Отечественной войны. Поскольку отец Сары числился «врагом народа», то семья на новом месте была записана как Солонкины, по намеренно искаженному имени деда. Так в с. Тихонькая появились Солонкины – соёны, в отличие от Сайланкиных – майманов сел Тюнгур и Кучерла. Ближайшими родственниками Сары в Верх-Уймоне, таким образом, были Татьяна Бочкарева (Мандаш), ее сын Епифан Анисимович и его дети Провантий и Емельян. Дети и внуки Татьяны-Мандаш, естественно, все крещеные «по-кержацки» в Верх-Уймоне долго носили кличку «мандашата»¹. Носящие разные фамилии правнуки Мандаш (Клепиковы, Бочкаревы и другие), проживающие в Верх-Уймоне, очень уважают свою алтайскую бабушку Сары. Один из них характеризовал ее максимально положительно, назвав в разговоре с исследователями «истинной старовойрой».

Первый брак Сары был заключен с Николаем Хабаровым, русским старожилом, крещеным в православной церкви и имеющим сеок (алмат). Николай унаследовал сеок от своего деда по отцу, теленгита² по имени Кабанка, который принял фамилию Хабаров при крещении, по словам Сары, спасшем его от уголовного преследования за драку. В последствии Кабанка и его сын женились на русских женщинах. От брака с Николаем Хабаровым Сары имеет двух сыновей и дочь³. Наибольший интерес применительно к группе оймонских старожилов представляет линия дочери, дети которой от брака с приезжим украинцем по фамилии Клименко получили старообрядческое крещение в селе Тихонькая. Здесь, возможно, сыграли роль родственники-старообрядцы, которые могли стать их крестными родителями. Но основным фактором являлось место рождения. По нашим наблюдениям, дети, рожденные в «кержацком краю» на Правобережье Катуня, в селах Верх-Уймон, Гагарка, Тихонькая, Мульта преимущественно получают старообрядческое крещение у местных наставников. Внук Сары – Игорь Клименко, названный и записанный так родителями, получил при крещении имя Егор. Под этим именем он и известен в Верх-Уймоне.

Крестильное имя старожилов может различаться с именем, записанном в документах в том случае, если крестивший наставник требовал строгого соблюдения календаря религиозных праздников, то есть выбора имени «по книге» в зависимо-

¹ Здесь и далее по тексту: Цифровая аудиозапись автобиографических воспоминаний Солонкиной Серафимы (Сары) Ивановны, с. Тихонькая, июнь 2010 г. Архив автора.

² Теленгит – алтайский субэтнос, представители которого преимущественно проживают на территории современных Улаганского и Кош-Агачского районов Республики Алтай.

³ Цифровая аудиозапись автобиографических воспоминаний С.И. Солонкиной.

сти от даты крещения¹. При этом ходовым и известным в сельской среде, по нашим наблюдениям, становится имя, полученное при крещении.

Игорь (Егор) Клименко женился на дочери алтайца и русской староверки Ирины, происходящей по линии матери из рода Атамановых, имеющей сеок и кержацкое крещение. Дети Игоря (Егора) и Ирины Клименко и правнуки Сары крещены старообрядцами, без сомнения (в силу рождения и воспитания матери) принадлежат к оймонской старожильской группе и имеют ярко выраженный тюркский антропологический тип. Старообрядческие внуки и правнуки Сары сохраняют с ней тесные семейные отношения, построенные на соблюдении принципов алтайского этикета, на чем настаивает Сары. В частности Игорь никогда не повышает голос на бабушку и не спорит с ней, хотя может позволить себе это в отношении других женщин своей семьи².

Родные братья Сары в силу своего характера имели много детей, в том числе внебрачных. Все дети от представительниц старожильской группы и многие дети от других женщин получили кержацкое крещение. Все эти дети имеют сеок и потому, с точки зрения Сары, являются алтайцами и входят в традиционную систему алтайских родственных связей. Крещение же включило их органически и очень плотно (через крестных родственников, «лёлек») в группу оймонских старожилов. Так внебрачный сын брата Сары и женщины из старожильской группы Алексей был усыновлен семьей родственников матери и крещен уже во взрослом возрасте, получив фамилию Бочкарев³.

Алексей Бочкарев, имеющий сеок соён и поддерживающий родственные отношения с Сары, взял в жены русскую женщину Татьяну из с. Катанда. Поскольку у этой женщины были сыновья от первого брака, то для усыновления их старообрядческое сообщество потребовало «кержацкого крещения». Вместе с сыновьями была перекрещена и жена Бочкарева Татьяна, что воспринималось ей как обида, поскольку она и дети были крещены старообрядцами в родной деревне, но «оймоны» этого не признали⁴. Это единственный известный нам случай перекрещивания партнера по браку, по всей видимости, связан именно с процедурой усыновления (через новое крещение дети Татьяны, как и она сама, получили крестных родственников в местном сообществе и таким образом были приняты в него). Наиболее важным для оймонских старожилов считается крещение детей.

Здесь нужно отметить еще одно примечательное свойство традиционной культуры «оймонов». Это позитивное отношение к детям, своим и усыновленным. Отсутствие у женщины ребенка от первого брака или внебрачной связи отнюдь не считается ее недостатком в глазах потенциальных женихов, что психологически сближает оймонских старожилов с алтайцами и не соответствует общерусской церковной традиции. Эта особенность хорошо видна по биографии Ульяны Аргоковой, к которой сватались и алтайцы, и русские, уже после рождения дочери Любы⁵. Сары Солонкина успешно вышла замуж второй раз, имея троих детей от пер-

¹ Сообщение Клоковой (Знаменской) Ирины Васильевны, жительницы с. Верх-Уймон 1977 г.р.

² Цифровая аудиозапись автобиографических воспоминаний С.И. Солонкиной.

³ Там же.

⁴ Сообщение Бочкаревой Татьяны Ивановны, жительницы с. Верх-Уймон.

⁵ Цифровая аудиозапись автобиографических воспоминаний У.М. Аргоковой.

вого брака. Яркой иллюстрацией является и пример с Алексеем Бочкаревым. Сары так передает диалог супругов, усыновивших ее племянника: «Какой красивый молодой человек! У тебя же нет сына, давай его усыновим». Усыновление при условии крещения ребенка в «свою веру» является нормой, а вот полное отсутствие детей – бедой и даже грехом¹. С точки зрения обычной морали: если нет своих детей – нужно усыновлять. Эта установка так же присуща оймонским алтайцам.

Следует упомянуть случай последних лет, когда оймонский старожил Анатолий Затеев привез себе жену-староверку из с. Дубровка, сразу же начавшую принимать участие во внутренних молениях «круга» (старообрядческой общины с. Верх-Уймон). Несмотря на высокий уровень конфессиональной грамотности молодой женщины, участницы круга, пожилые оймонки, не признали ее за «свою»².

Приведенные выше примеры показывают, что в группе оймонских старожилов конфессиональная принадлежность играет важную, но не первостепенную роль. С точки зрения «оймонов» алтайка Сары Солонкина – «настоящая старообрядка», а, значит, воспринимается членами группы как «своя». Приезжая же старообрядка из Дубровки – «чужая» и не принадлежит к группе. Эта черта придает группе «оймонов» ярко выраженную локальную специфику.

Материалы автобиографий Ульяны Аргоковой и Сары Солонкиной демонстрируют принципиальное отличие в отношении к межэтническим и межконфессиональным бракам среди оймонских старожилов и семейских Забайкалья. Согласно данным А.Б. Островского, признавая нежелательным межконфессиональный брак между представителями различных согласий, семейские Забайкалья еще более нетерпимо относились к межэтническим бракам с бурятами и «сибиряками» (представителями другой старожильческой группы)³. Потомки от межэтнических браков получали прозвище «карымы» и отвергались, как со стороны семейских, так и бурят, что принуждало их создавать свои отдельные населенные пункты⁴. В верховьях Катуня, в Оймоне, складывалась противоположная ситуация. Ульяна Аргокова и Сары Солонкина были и остаются своими как для местных алтайцев, так и для русских старожилов «оймонов».

Широкое распространение межэтнических браков среди «оймонов» приводит к тому, что в бытовой и обрядовой сферах встречаются различные этнические стереотипы поведения. Воспоминания Ульяны Аргоковой и Сары Солонкиной предоставляют исследователям материал, иллюстрирующий межэтнические коммуникации в области культуры.

Ульяна Аргокова рассказывает, как однажды на перевале ее застала гроза со шквальным ливнем. Она была вынуждена спрятаться от дождя под кроной могучего кедра, осознавая всю опасность такого шага. Страх перед смертью от молнии,

¹ Сообщение Казанцевой Валентины Ермиловны, жительницы с. Верх-Уймон.

² Сообщение Ковальчук (Питеневой) Светланы Михайловны, жительницы с. Верх-Уймон 1966 г.р.

³ *Островский А.Б.* Староверы и православные в русском сельском социуме XX в. (Поведенческие стратегии взаимодействия) // *Этнографическое обозрение* № 6, 2005. С. 85–104.

⁴ Сообщение Скосырского Григория Николаевича, жителя г. Улан-Удэ 1929 г.р., представителя Забайкальской старожильческой группы «сибиряков» («гуранов») Баргузинского района Республики Бурятия.

нередкой в этих местах, побудил ее вспомнить молитву, выученную в раннем детстве, которая начиналась со слов: «Матушка-кедра, пусти меня переждать дождик». Молитва матушке-кедре читалась на русском языке. При этом, как следует из объяснений рассказчицы, она обладала прямым смысловым и казуальным тождеством с традиционными алтайскими молитвами-заклинаниями духов природы.

С нашей точки зрения, сходными с алтайскими контекстом и структурой обладают представления оймонских старожилов о священной, целебной силе проточной «бегущей» воды.

Распространенная среди «оймонов» практика лечения наговоренной водой признается и используется местными алтайцами. Таким способом сыновья лечили Сары «от испуга» (психологического шока) после близких по времени смертей мужа и двух племянников. «Вода с молитвой» была привезена Сары от «уймонской бабушки». Происхождение лекарства было рассказано только после явного положительного эффекта. По нашим наблюдениям, алтайцы не пытаются сами наговаривать воду, но используют ее, получая от «знатков», как готовое лекарство.

В то же время оймонские старожилы в случае необходимости прибегают к помощи алтайских «знающих людей», называя их так же, как своих, «знатки» или же «шаман», «шаманка». Как правило, к алтайским «шаманам» обращаются, когда нужно узнать будущее или судьбу без вести пропавшего человека (животного). Подобные истории приводят многие респонденты. В частности, нам известен случай обращения уймонской староверки Федосьи Серапионовны Решетниковой к Алексею Калкину. По словам Ф.С. Решетниковой все предсказания известного сказителя сбылись¹.

По нашим наблюдениям, поддержание разветвленных горизонтальных родственных связей, в том числе, межэтнического характера считается выгодным и важным среди оймонских старожилов по причине неравноценности сельскохозяйственных угодий различных сел. Различное количество и качество выпасов, покосов, охотничьих и ягодных угодий в разных логах и сельских обществах принуждает население Уймонской степи сохранять традиционную для сибиряков систему «помочей», которая объединяет родственные русскоязычные и алтайские семьи. Так в алтайские семьи традиционно пристраивают овец на лето с целью выпаса на высокогорных пастбищах. Семьи старожилов могут отдаваться помощью на покосе, при строительстве, а так же избытком урожая с огорода и продуктами пчеловодства.

Несмотря на то, что коневодство и овцеводство считаются традиционно алтайскими промыслами, в то время как мараловодство и пчеловодство – исконно старожильческими, какой-либо жесткой границы между ними на протяжении XX в. не прослеживается. Так мараловодством занимается преимущественно алтайское население с. Тюнгур. В то же время большое количество овец и табуны коней держат многие старожильческие семьи Верх-Уймона, Гагарки, Тихонькой и Мульты. В целом для территории современного Усть-Коксинского района характерно развитие единого для различных этнических групп скотоводческого (яйлажного) типа хозяйствования. Источником дохода для большинства семей служит выращивание мясного скота (в том числе лошадей), источником самообеспечения – охота, рыбалка, сбор дикоросов, огород. Судя по воспоминаниям старожилов, заметных этнических различий в типе хозяйствования не прослеживается уже достаточно давно.

¹ Сообщение Решетниковой Федосьи Серапионовны, жительницы с. Верх-Уймон 1930 г.р.

Так отец Сары Солонкиной Акияков Инес в 1930-х годах держал стадо свиней, очень активно рыбачил, любил это занятие. И отец, и дед по матери выезжали для торговли в Китай. Наиболее успешен в ней был дед Сайланка, скопивший запас золотых монет. О причинах и обстоятельствах широкого вовлечения в торговлю с Китаем русскоязычного старожильского населения мы писали ранее ¹.

Одинаково важное и полезное для алтайцев и оймонских старожилов соблюдение родственных отношений, тем не менее, имеет свою этническую специфику. Так для этнической идентификации алтайцев важно наличие сеока, рода по отцу. В то же время, принято активное участие родственников по линии матери в воспитании племянников. Данная норма объясняет большое внимание семьи Сары Солонкиной (детей и братьев Инеса Акиякова) к семье и потомкам Татьяны (Мандаш) Бочкаревой. Таким образом, именно дети алтайских женщин и мужчин-старожилов становятся наиболее активными трансляторами алтайских традиций в старожильскую среду.

Для оймонских старожилов основными признаками принадлежности к группе являются местное рождение и старообрядческое крещение у местного наставника, которое может получить ребенок, родившийся в любом смешанном браке (по линии отца, матери и более дальних родственников), а так же усыновленный. Важную роль в процессе инкорпорации в группу оймонских старожилов играют родственные отношения между крестными родителями и родителями по крови. Считается, что охлаждение отношений с крестными немедленно сказывается на здоровье ребенка. Поэтому за поддержанием традиций родства и добрососедства в данном случае следят наиболее пристально ². На втором месте – соблюдение религиозных праздников согласно старообрядческому церковному календарю (что сводится для большинства к избеганию ряда «поганых» работ), ориентация на исполнение конфессиональных запретов и норм («соблюдение чашки», полоскание белья в проточной воде, пост), а так же традиционных свадебного («сведение») и, особенно, погребального обрядов.

Наиболее строгое соблюдение конфессиональных норм и запретов, равно как и старообрядческого календаря ожидается от лиц, достигших старческого «чистого» возраста. Напротив, к несоблюдению конфессиональных запретов молодежью, «оймоны» относятся снисходительно. Например, ревностное посещение моленной молодыми девушками может встречать осуждение со стороны их ровесниц: «Они что, замуж не хотят?» ³. Таким образом, женщины и мужчины оймонской старожильской группы, никогда за всю жизнь не отделявшие свою посуду от посуды не староверов («мирских»), могут начать строго «соблюдать чашку» в пожилом возрасте, что нередко служит причиной укоров и обид со стороны их «мирских» друзей. Кроме того, следование полному богослужебному циклу в течение дня, что желательно для участников «круга» (прихожан старообрядческой моленной), занимает очень много личного времени. В результате, ни времени, ни сил на общение с окру-

¹ Королёва Е.В. Торговля и пути сообщения России с государствами Центральной Азии в истории заселения русскими Юго-Восточного Алтая. // Усть-Коксинские архивные чтения. Вып. 1. Барнаул, 2007. С. 91–95.

² Сообщение Клоковой (Знаменской) Ирины Васильевны, жительницы с. Верх-Уймон 1977 г.р.

³ Сообщение Иродовой Валентины Ивановны, жительницы с. Верх-Уймон 1980 г.р.

жающими не остается. По этой причине у пожилых староверов могут ухудшаться отношения с друзьями и родственниками – алтайцами и «мирскими» русскими.

У алтайцев подобного изменения с возрастом не происходит, поэтому поведение «оймонов» может восприниматься ими с непониманием. Так Сары Солонкина обижается на свою старую подругу Матрёну Атаманову, потому что та, будучи в очень преклонном возрасте, уже не ходит в гости к Сары и не приглашает ее к себе, посвящая много времени молитвам, хотя раньше подруги очень часто общались. Пример изменения конфессионального поведения с возрастом продемонстрировала и мать Ульяны Аргоковой – Екатерина Савельевна. Сама в молодости вышедшая замуж за алтайца, в преклонных годах она проявляла крайнюю строгость в вопросе замужества дочери и грубо прогоняла из своего дома всех женихов «не нашей веры», что для Ульяны стало причиной личной трагедии и охлаждения к религии матери.

В заключение необходимо сделать некоторые выводы:

1. Основными признаками, определяющими самоидентификацию в составе оймонской старожильческой группы, являются местное рождение в современном Усть-Коксинском районе и конфессиональная принадлежность, определение которой состоит из нескольких компонентов:

- крещение старообрядческим наставником и близкие родственные отношения с крестными родителями;
- соблюдение праздников (избегание «поганых» работ в красные дни церковного календаря);
- соблюдение конфессиональных особенностей в семейной обрядности (свадебной и погребальной);
- участие в «круге» молящихся в пожилом возрасте.

2. Расширение группы происходит путем естественного прироста и инкорпорации в ее состав новых членов за счет распространенных межэтнических и межконфессиональных браков, а так же усыновления, при условии крещения всех детей в таких семьях старообрядческим наставником.